

Е Мянью открыл было рот.

— Из-за этого ты и повздорил с моим братом Чжуан Сюем, я ведь угадал? — сердито спросил Лу Личжэн.

Он фыркнул и продолжил:

— Брат Чжуан Сюй наверняка до глубины души ранен твоим поступком. Разве у него поднялся бы язык сказать тебе грубое слово или спорить с тобой?

— Ты явно на его стороне! — недовольно проворчал Е Мянью.

— Ни на чьей я не стороне, — возразил Лу Личжэн, подняв голову. — Если бы брат Мянью услышал, как кто-то столь нагло оскорбляет твою семью, ты бы давно бросился в драку. А мой брат Чжуан Сюй — князь. Его родителей оскорбили при стольких свидетелях, а он до сих пор сдерживается и не дал воли гневу!

Е Мянью от этих слов лишился дара речи и лишь спустя некоторое время пояснил:

— В тот день я пришел к нему вовсе не для того, чтобы ссориться. Я хотел извиниться, но... он не принял моих извинений.

Лу Личжэн покосился на Е Мянью и негромко пробормотал:

— Не принял — значит, вы перешли все границы. Нужно было снова просить прощения. А ты хорош, так его разозлил, что он даже в академию ходить перестал.

— Я...

Е Мянью, получив от Лу Личжэна такую взбучку, почувствовал себя неловко. Попрощаясь с ним в расстроенных чувствах, он весь день ходил сам не свой.

После окончания занятий Жуань Юньшэн, заметив его удрученное состояние, подошел помочь собрать со стола бумагу и кисти и с заботой спросил:

— Что случилось? Весь день ходишь мрачнее тучи. Переживаешь за Аньюаня?

Е Мянью уныло покачал головой.

Жуань Юньшэн приподнял бровь и осторожно спросил:

— Значит, из-за князя Жуннаня?

Рука Е Мянью, укладывавшая книги в сумку, на мгновение замерла. Он не ответил прямо, лишь тяжело вздохнул:

— Юньшэн, я так устал.

— Что такое?

Е Мянью отбросил сумку в сторону и снова опустился на стул, совершенно пав духом:

— Мне кажется, что бы я ни сделал — все не так, а если ничего не делать — еще хуже. Хоть бы какой бессмертный указал мне верный путь... Что мне, в конце концов, делать?

Жуань Юньшэн сел напротив него и, вздохнув, попытался утешить:

— Может, мне сходить с тобой навестить Аньюаня чуть позже?

Е Мянью покачал головой:

— Не посмею. Боюсь, брат Цин меня просто взашей вытолкает.

— М? — не понял Жуань Юньшэн.

Е Мянью в общих чертах пересказал ему вчерашние события. Выслушав, Жуань Юньшэн не смог сдержать улыбки:

— Ну, тогда подождем несколько дней. Пойдем, когда он остынет. Брат Цин не станет всерьез злиться на тебя, его злит этот Чжуан Сюй.

Е Мянью угрюмо пробормотал:

— Но в этот раз Чжуан Сюй действительно ни в чем не виноват. Вся вина лежит на нас.

Жуань Юньшэн подумал немного, но так ничего и не нашелся сказать, лишь вздохнул в ответ.

— К тому же, — с тоскливым выражением лица продолжил Е Мянью, — если бы Чжуан Сюй хоть что-то предпринял, мне было бы проще. А от его молчания и отсутствия мне только не по себе. То чувствую себя виноватым перед ним, то боюсь, что этот тип замышляет какую-нибудь пакость, с которой я не справлюсь.

Е Мянью в досаде закрыл лицо руками:

— Я думаю об этом и днем, и ночью. Не знающие люди подумали бы, что я в него влюблен...

Жуань Юньшэн промолчал.

Е Мянью не обратил внимания на его молчание, лишь уткнулся лицом в стол и простонал:

— Как бы то ни было, Чжуан Сюй в этот раз действительно пострадал без вины. Хотя Аньюань и ошибся, его в это втянул я. Так или иначе, виноват только я один. Сейчас же пойду к нему. В этот раз я приму любое наказание, пусть делает что хочет.

— Лишь бы только не мучил меня так больше... — взмолился Е Мянью.

Жуань Юньшэн с сочувствием посмотрел на него и осторожно спросил:

— Все хотел спросить: с чего вдруг ты ему приглянулся?

— Откуда мне знать? — Е Мянью задумался на мгновение. — Он только сказал, что изначально хотел, чтобы я стал ему названным братом. Наверное, его собственный брат его не устраивает. В этом я его прекрасно понимаю — я и сам всю жизнь мечтаю сменить отца.

Жуань Юньшэн прыснул со смеху и огляделся по сторонам:

— Не мели чепухи! — Немного подумав, он добавил: — На самом деле, если бы он просто признал тебя своим братом, в этом не было бы ничего страшного. Может, тебе договориться с ним и временно согласиться? Так заодно получится замять неприятности, которые натворил

Аньюань.

Е Мянью покачал головой:

— Какое там! Когда мой собственный брат со мной не ладит, я могу взывать к голосу разума, если не помогает — капризничать, а если и это бесполезно — закатить истерику. Хоть один способ да сработает. А с ним разве хоть что-то из этого прокатит?

Жуань Юньшэн призадумался, а затем произнес:

— А мне кажется, с ним как раз все это и сработает.

Е Мянью промолчал.

У ворот Цзисянь Императорской академии Гоцзысюэ Е Мянью попрощался с Жуань Юньшэном, после чего они разошлись. Он велел кучеру ехать к резиденции старшей принцессы.

Сидя в карете, Е Мянью долго разглядывал плотно запертые лаково-красные ворота резиденции принцессы и карауливших у входа стражников. В конце концов он вздохнул и так и не решился постучать.

Все вокруг него дорожили своей гордостью больше жизни. Хоть он и отличался покладистым нравом, чувство собственного достоинства у него тоже имелось!

Вернусь домой, соберусь с духом за ночь и завтра попробую снова...

Стояла осень, в столице повсюду цвели хризантемы. На веранде баося перед главным зданием двора Баофэн у стены возвышались трехъярусные цветочные полки, уставленные более чем двадцатью горшками с цветами. Сорта «киноварный иней», «румяна на снегу», «нефритовый феникс с яшмовой террасы» цвели пышными разноцветными гроздьями — зрелище было на редкость красивым.

Е Мянью в комнате казалось душно, поэтому он велел накрыть ужин на веранде. Осенний ветерок приносил тонкий цветочный аромат, что немного рассеивало его тоску.

Е Мянью сидел за столом из грушевого дерева и лениво прихлебывал суп из корня лотоса. Присланная госпожой Цю служанка Ицуй сняла браслеты с запястий и, закатав рукава, чистила для него крабов. Осенью крабы были особенно жирными, полными икры и молока, так что без особых усилий из нескольких штук получалась целая тарелка нежного белого мяса и золотистого жира.

Е Мянью ел не торопясь, обмакивая кусочки в имбирный уксус. Инун, заметив, что он не в духе, с улыбкой спросила:

— Четвертый молодой господин, не желаете ли немного подогретого желтого вина? Крабы хоть и хороши, но пища это холодная по своей природе, так что глоток теплого вина пойдет на пользу желудку.

Е Мянью взглянул на нее:

— Разве матушка не велела вам присматривать за мной и запретить мне тайком пить вино во дворе?

Инун с улыбкой ответила:

— В данном случае это не помешает. Пожалуйста, пейте без опасений, четвертый молодой господин.

Е Мянэ немного повеселел и кивнул.

Инун велела стоявшей рядом служанке принести вина, а сама положила ему палочками те блюда, которые он обычно любил. Видя, что у него по-прежнему нет аппетита и он почти ни к чему не притрагивается, она покачала головой и приказала другой служанке сходить на кухню и приготовить легкие, хорошо усваиваемые сладости и закуски.

Если съест так мало, ночью наверняка опять проголодается и будет просить еды.

Е Мянэ молча наблюдал за этим с легкой усмешкой про себя.

Обе служанки, приставленные к нему матерью, были на редкость смысленными и хваткими. Они не родились в этом доме — их купили у торговцев людьми еще детьми. Они выросли во дворе госпожи Цю и шаг за шагом поднялись от простых чернорабочих до служанок первого ранга. Инун к тому же помогала госпоже Цю управлять делами ее лавок. Окажись они в его прошлой жизни, наверняка прослыли бы успешными карьеристками.

Е Мянэ краем глаза покосился на стоящую в стороне с каменным лицом Баонянь и обреченно вздохнул. Да уж, эти двое были на несколько голов выше тех глупеньких девчонок, что прислуживали ему раньше.

Поскольку этих двоих прислала госпожа Цю, они, естественно, были глазами и ушами его матери. Никто из прислуги во дворе Баофэн не хотел с ними сблизиться, все держались вместе и сторонились их. Но те, казалось, ничуть не переживали. Получив звание первого ранга, они с полным правом принялись за свои обязанности и так ловко гоняли остальных слуг во дворе, что и придаться было не к чему.

Баосюэ и Баохэ госпожа Цю разжаловала до третьего ранга, и им полагалось заниматься грязной работой во дворе. Но Е Мянэ оберегал их, а Инун и Ицуй этому не препятствовали. Они лишь не подпускали девушек близко к господину, поручая им самую легкую работу. Из-за этого Е Мянэ не только не мог ни в чем их упрекнуть, но и поневоле чувствовал к ним признательность.

Самым забавным было то, что он ожидал от них постоянных побегов в главный двор с докладами, но девушки ни разу не ходили ябедничать к госпоже Цю. Они просто молча подмечали и запоминали все, что происходило во дворе Баофэн.

Подобное безмолвное предостережение пугало куда сильнее, чем если бы они ежедневно бегали жаловаться.

Впрочем, хотя Е Мянэ и относился к ним с некоторым недоверием, он не умалял их достоинств. Особенно это касалось Инун. Судя по сплетням, которыми делилась Баонянь, его бесстыжий отец положил глаз на эту девушку. Его матушка не успела принять меры предосторожности, но и просто так выдать замуж столь толковую служанку ей не хотелось. Поэтому она воспользовалась возможностью и перевела ее во двор Баофэн. Теперь заместитель министра Е, при всей своей наглости, не посмел бы требовать к себе служанку своего сына.